

ЛЕНТРАМ НА РАСПУТЫИ К ИТОГАМ ГАСТРОЛЕЙ В МОСКВЕ

100
Когда начинается спектакль «Право на жизнь», вероятно, многим зрителям, знающим прежние работы Ленинградского театра, кажется, что они попали не в тот театр. Сюжет пьесы, форма представления, характер постановки и исполнения — все это как нельзя более далеко от тех молодых, радостных, боевых спектаклей, которыми Лендрам покорила Москву в первый свой приезд пять лет назад.

Прежде всего возникает недоуменный вопрос: чем привлекал Трам пьеса «Право на жизнь» (вещь эта под заголовком «Патент № 119» напечатана в первой книге «Нового мира» за 1933 г.). Рассказ о судьбе изобретателя, вынужденного в условиях капиталистического строя продавать свою творческую личность и находящего свой настоящий путь в Советской стране, облечен в форму скупой пьесы с длинными, нудными разговорами, запутанными персонажами, с неоправданными положениями, с дешевыми мелодраматическими эффектами. В проспекте, выпущенном Лендрамом к гастрोलю 1933 года, «Право на жизнь» характеризуется как пьеса о двух системах, о столкновении и исторически неизбежной гибели одной из них — капиталистической. Однако в самой пьесе этого вовсе нет. Вот что говорит, например, немецкий фабрикант по поводу кризиса: «Немного наезд, немного к рýчному труду, немного прикосновения к матери-природе... Кризис, непонятный, как начало вещей... Чума вместе с хорошей войной была бы негустой штукой».

На протяжении немногих реплик, следующих подряд, переданы основные мотивы выходящий о кризисе деятелей буржуазии, изложения которых (высказывания) мы чуть ли не каждый день встречаем

в газетах. Отображение действительности? Да, конечно, но только в форме протокола; а не драматического произведения. От большого писателя А. Толстого и от талантливого публициста А. Старчакова театр был вправе ожидать более значительной вещи.

Лендрам увидел в пьесе ебольшные, глубокие вопросы». На деле авторы лишь скользят по поверхности этих вопросов. Но, может быть, Трам попытался «поднять» пьесу, попытался в своем сценическом разрешении углубить ее образы и таким образом добраться до этих проблем? Нет, этого совсем не видно. Постановщик М. Соколовский покорно шел за авторами, мало того, он усугубил их неудачи. Столкнувшись с пьесой, необычной для Трам, он как бы растерялся: этот художник сцены, которого мы знаем как талантливого и смелого постановщика, не мог справиться с представлением пьесы, написанной в духе репертуара театра Корша. И это не случайно. Вспоминая ряд спектаклей Ленинградского театра, мы видим, что в творчестве М. Соколовского причудливо совмещаются острая изобретательность, чувство подлинной театральности, большой художественный размах — с проявлениями дурного вкуса, с недостатком сценической культуры и недчас беспринципностью. Это смешение в особенности характерно для постановки «Недоросля». В постановке же «Право на жизнь» торжествуют именно отрицательные стороны режиссуры Л. Соколовского. Ряд моментов разрешен режиссером беспомощно (напр., сцена с революционером). В уловной драматической сцене (финал третьего акта) совершенно не к месту применяется комический эффект, обесмысливающий ее значение и срывающий напряжение, требуемое развитием действия. Мизансценировка

бедна; режут глаз пошлые позы а la танго и т. п.

«Коршевский» характер пьесы, подчеркнутый соответствующей постановкой, получает свое завершение в исполнении с той, однако, разницей, что в покойном театре Корша сыграли бы эту пьесу значительно лучше, — и не только потому, что трамовцы не овладели еще в достаточной мере актерским мастерством, но также и потому, что это совсем не их пьеса. Здесь же, за исключением двух-трех (Ольга, Беспорозный), образы бедны, малообразительны.

Лендрам потерял свое лицо. Пытаясь преодолеть ошибки прежних лет, он растерял и ряд своих достижений, которые были гораздо значительнее его ошибок. И если РАПЦ верно указывала на некоторые из этих ошибок (сценические недостатки, отрицание пьесы, в классическом смысле — художественные наследия профессионального театра, и др.), то в то же время критика эта была односторонней, в ней сказались недостаточное внимание к трамовскому движению и полная оторванность РАПЦ от самостоятельного искусства, из рядов которого выросли и расцвели трам. При этом такая крупная ошибка Трам, как попытка строить спектакли на основе формально понятой диалектики, совсем не отмечена в «Театральном документе» РАПЦ, а именно здесь ошибки Трам, казалось бы, неизбежно «сымаются» с ошибками РАПЦ. Таким образом, РАПЦ, сумевшая в чем помочь Трам, вместе с тем способствовала его творческой дезориентации.

Борись со своими прежними ошибками, Ленинградский трам в любом случае переиграл на куку. Если прежде работал над пьесами только «своих» драматургов и этим ограничением обеднял свое мастерство, то

теперь их произведения совсем исчезли из его репертуара. Это также неправильно. Трамовские драматурги не только прекрасно знали свой театр, — они органически росли вместе с его коллективом; в этом было немало достоинств и для театра и для молодых авторов. Необходимо, чтобы в репертуаре Трам наряду с пьесами наших крупных драматургов, пишущих для больших профессиональных театров, и с произведениями классиков была и пьесы трамовских авторов. Если прежде отрицалась необходимость учбы у профессионального театра, то теперь наблюдается излишнее увлечение методами профтеатра. Если прежде подчеркивалась «особенность» Трам, то теперь налицо опасность нивелировки.

Ленинградский трам находится на распутьи. В его поисках новых путей много шатаний, много ошибок. И здесь сильно сказались недостаточная теоретическая подготовка, недостаток критического подхода к явлениям искусства и попытка преодолеть трудности наскоком, без необходимой продуманности и подготовки. И если эксперименты над «Недорослем» при всей их сомнительности были так сказать «честной» ошибкой, потому что там были искания и при отсутствии единой линии в спектакле имеется ряд интересных моментов, то с «Правом на жизнь» дело обстоит значительно хуже. Здесь налицо откровенный хвостизм, отсутствие своей мысли; такая работа для учбы, для роста может иметь только отрицательные результаты. Подобной ошибки, конечно, можно и должно было избежать при более серьезном отношении к делу.

Будущее Лендрама, молодого талантливого театра, вынуждает опасения. Лендрам должен основательно пересмотреть весь свой творческий

Рис. Ф. ВУЛГАКОВА

Григорьев — Блех.

путь, выработать четкие принципы перестройки, которая сохранит его трамовскую специфику на базе тесной связи с самостоятельным театром и вооружит его актеров и режиссера как мастерством передового профессионального театра, так и фундаментальными теоретическими познаниями. Советская общественность и в первую очередь ленинградский комсомол, «вырастивший» этот ценнейший коллектив, должны оказать ему активную поддержку. А трамовцы пережили и преодолели немало трудностей, и проработав как следует над собой, они выправят линию своего театра. Право на жизнь (без кавычек) они давно уже завосвали, теперь речь идет о том, чтобы осуществлять это право в новых условиях в полной мере.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

* А общественное внимание к Лендраму недостаточно; так, даже «Комсомольская правда» за все время его гастролей в Москве не обмолвилась ни словом о его спектаклях.